

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

2018. Том 54. Выпуск 4

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

УДК 94(47)"1914"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/19

ГРАФ ВЛАДИМИР БОБРИНСКИЙ И ВТОРОЙ МАРМАРОШ-СИГЕТСКИЙ ПРОЦЕСС: ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Авторское резюме

Впервые в российской и зарубежной историографии подробно исследуются участие и роль депутата Государственной Думы Российской империи графа В.А. Бобринского во Втором Мармарош-Сигетском процессе, проходившем над православными русинами Австро-Венгрии. Поездка Бобринского на судебный процесс в начале 1914 г. в качестве свидетеля приковала к себе пристальное внимание министерств иностранных дел России и Австро-Венгрии, российской и зарубежной прессы. В публикации подробно реконструируются обстоятельства поездки российского политика в Венгрию, выступление графа на судебном процессе, а также трактовка этих событий, данная им по возвращении в Санкт-Петербург. Особое внимание в статье уделено освещению участия Бобринского на судебном процессе ведущими российскими периодическими изданиями разной партийной направленности. Опираясь на публикации российских либеральных и консервативных газет («Биржевые ведомости», «Голос Москвы», «Голос Руси», «Гражданин», «Колокол», «Московские ведомости», «Новое время», «Речь», «Русское знамя», «Русское слово», «Свет» и др.), автор реконструирует и анализирует отношение различных общественно-политических сил в России к панславистской деятельности графа. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что, сочувствуя подсудимым русинам и осуждая репрессии австро-венгерских властей, российское общество не было едино в оценке роли Бобринского в Мармарош-Сигетском процессе. Если для праволиберальных и умеренно консервативных газет Бобринский был героем, то для ряда правоконсервативных изданий — политическим авантюристом, толкающим Австро-Венгрию к военному конфликту с Россией.

Ключевые слова: Второй Мармарош-Сигетский процесс, русины, карпатороссы, В.А. Бобринский, Австро-Венгрия, русская пресса, российское общественное мнение.

COUNT VLADIMIR BOBRINSKY AND THE SECOND MARMAROS-SZIGET LEGAL TRIAL: BASED ON RUSSIAN PRESS

A.A. Ivanov

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Abstract

This article focuses on the participation and the role of the Russian Imperial Duma deputy, Count V.A. Bobrinsky in the Second Marmaros-Sziget legal trial of Austro-Hungarian orthodox Rusins. Bobrinsky's trip to the trial in the early 1914 as a witness attracted the close attention of the Russian and Austro-Hungarian Ministries of Foreign Affairs as well as the Russian and foreign news media. The publication provides a detailed reconstruction of the circumstances of the Russian politician's trip to Hungary, his speech at the trial and his interpretation of the event after his return to Saint Petersburg. Particular attention is paid to the coverage of Bobrinsky's trip by leading Russian periodicals of different party orientations. Basing on publications in Russian liberal and conservative newspapers ("Birzhevye vedomosti", "Golos Moskv", "Golos Rusi", "Grazhdanin", "Kolokol", "Moskovskie vedomosti", "Novoe vremya", "Rech", "Russkoe znamya", "Russkoe slovo", "Svet" etc.), the author reconstructs and analyzes the attitude of different Russian political and social forces to the Pan-Slavic activity of Count Bobrinsky. The research allows to conclude that, while sympathizing with the accused Rusins and condemning the reprisals of Austro-Hungarian authorities, the Russian society did not share their assessment of Bobrinsky's role in the Marmaros-Sziget legal trial. If the right-wing liberal and moderately conservative newspapers considered him a hero, some right-wing conservative periodical called him a trigger-happy politician pushing Austria-Hungary to the military conflict with Russia.

Keywords: Second Marmaros-Sziget Trial, Rusins, Carpatho-Russians, V.A. Bobrinsky, Austria-Hungary, Russian press, Russian public opinion.

Второй Мармарош-Сигетский процесс¹, организованный в 1913–1914 гг. властями Австро-Венгрии против православных

закарпатских русинов, неоднократно освещался в исследовательской литературе и достаточно изучен. Историки уделяли внимание подготовке процесса, самому судилищу и реакции на него австро-венгерской, американской и российской прессы (Bachmann 2001; Грабец 1934; Данилець 2013; Данилец 2014а; Данилец 2014b; Данилец 2017; Суляк 2009). Значительно меньше внимания уделено участию в этом процессе известного российского политика, депутата Государственной Думы и одного из лидеров русского национализма графа Владимира Алексеевича Бобринского. Единственная статья, специально посвященная данному вопросу, вышла на украинском языке (Передерко 2010), однако в ней автор опирается не столько на источники, сколько на работы историков, писавших о судебном процессе в целом, в результате чего ряд важных моментов в указанной публикации не рассмотрен. Не уделяется внимания этой странице биографии Бобринского и в посвященных ему статьях. А между тем поездка Бобринского в январе 1914 г. в Мармарош-Сигет приковала к себе внимание центральной российской прессы, весьма подробно освещавшей этот рискованный визит российского парламентария в Австро-Венгрию.

Не останавливаясь подробно на истории процесса, позволим себе лишь кратко напомнить его причины и ход. В связи с тем, что крестьяне-русины из сел Иза, Ясиня, Осой, Великие Лучки, Теремля, Кошелево, Великий Бычков и др. стали оставлять унию и переходить в лоно православной церкви, австрийские власти прибегли к репрессиям. В 1903–1904 гг. состоялся Первый Мармарош-Сигетский процесс, в ходе которого крестьян-русинов пытались обвинить в государственной измене, а в 1912 г. австро-венгерские власти, возмущенные миссионерскими успехами православного иеромонаха Алексия (Кабалюка), начали новую волну гонений на закарпатских крестьян. В государственной измене в пользу Российской империи были заподозрены 188 местных жителей, и 29 декабря 1913 г. в Мармарош-Сигете начался судебный процесс против о. Алексия и 94 крестьян-русинов.

Среди выдвинутых против русинов обвинений было указание на финансирование их В.А. Бобринским, который, по мнению следствия, занимался подстрекательством местного населения к неповиновению австро-венгерским властям и содействовал разжиганию сепаратистских настроений среди русинов. В связи с этим Бобринский, считавший себя продолжателем дела славянофилов и активно участвовавший в деятельности различных славянских обществ, посчитал своим долгом принять участие в процессе, на котором прозвучало его имя. Это решение известного российского политика, потомка императрицы

Екатерины II, одного из лидеров думской фракции русских националистов и Всероссийского национального союза, также являвшегося председателем Галицко-русского благотворительного общества, тут же приковало к нему внимание российской и европейской прессы.

Как сообщала стоявшая на славянофильских позициях газета «Свет», вопрос о вызове на судебный процесс в качестве свидетеля графа Бобринского был поднят иеромонахом Алексием (Кабалюком), но лишь при условии, что власти Австро-Венгрии гарантируют российскому политику неприкосновенность. Однако венгерский министр правосудия дал уклончивый ответ, отметив при этом, что, согласно 9-й статье венгерского уголовного судопроизводства, он имеет полное право арестовать Бобринского как соучастника «преступления» (К поездке 1914).

При таких условиях адвокат о. Алексия не мог настаивать на приезде в Венгрию российского депутата, но, поскольку выступление в суде известного политика в пользу обвиняемых, как тогда казалось, могло облегчить их положение, граф решил ехать, несмотря на риск подвергнуться аресту. Кроме того, вскоре стало известно, что у Бобринского и без того были проблемы с австро-венгерским правосудием. В декабре 1910 г. австрийская полиция издала распоряжение о розыске и задержании Бобринского за его речь, произнесенную в 1908 г. в поддержку русского дела в Галиции (Клопова 2016: 228).

В интервью газете «Свет» Бобринский сообщал: «Поеду я в Венгрию на будущей неделе, когда окончится допрос всех обвиняемых. Но я уверен, что на самый процесс, куда мне хотелось бы очень попасть в качестве свидетеля, меня не допустят и арестуют, едва только переступлю через русскую границу. Дело в том, что австрийскими судебными властями три года тому назад я приговорен к заключению в тюрьме по одному делу, созданному самими австрийцами. Естественно, что арест этот я не собирался отбывать и не отбывал. <...> Свидетельские мои показания очень важны. Зная же об этом, австрийцы непременно постараются арестовать меня и таким образом лишит мучеников за православную веру своей правовой защиты. В случае моего ареста, в осуществлении которого я глубоко убежден, все православные русские люди убедятся в дутости Сигетского процесса» (Младенович 1914).

Позже граф рассказывал журналистам, что когда русская дипломатия заявила Вене, что ждет российского депутата, если он появится на территории Австрии, то был получен следующий ответ: приговор к пяти годам каторги. «Такой ответ был дан, конечно, с целью запугать меня, чтобы я не поехал на процесс, — полагал Бобринский. — Мне, как известно, было инкриминировано оскорбление императора и

стремление к ниспровержению существующего в Австро-Венгрии строя» (Гр. В.А. Бобринский 1914).

Допустить выступления В.А. Бобринского на процессе власти Австро-Венгрии действительно не желали, и австрийское посольство в Санкт-Петербурге отказалось визировать заграничный паспорт российского депутата (Отказ 1914). Но эти трудности не остановили графа, твердо вознамерившегося добраться до Мармарош-Сигета. Он напрямую обратился в Будапешт, где ему сообщили о возможности прибыть на процесс в Венгрию через территорию Румынии, а затем таким же способом вернуться в Россию. «В теории, – писал корреспондент газеты "Свет", – постановления австрийских властей о воспрещении въезда в Австрию на Венгрию не распространяются. На практике, однако, возможно, что свои люди – австрияки и мадьяры – столкнутся между собою, а расплатиться за это придется графу Бобринскому» (Комаров 1914а).

Видный русинский деятель А.Ю. Геровский полагал, что, указывая графу путь в обход Австрии, венгры таким способом решили «показать свою "независимость" от австрийского правительства» (Геровский 1961: 3). Как отмечали в российском МИДе, правительству Австро-Венгрии предстояло решить сложную дилемму: либо не допустить выступления Бобринского в суде и тем самым «подвергнуть себя неопасной, хотя и шумной критике европейской прессы», либо допустить российского политика в Мармарош-Сигет и тем самым «дать новую пищу сепаратическим наклонностям (как в церковном, так и в государственном отношении) угрорусов» (Международные отношения 1931: 145). Поначалу правительство Дунайской империи остановилось на первом варианте, сообщив российскому поверенному в Вене, что Бобринский будет тут же арестован, как только пересечет границу.

Отметим, что российский МИД также не одобрял поездки депутата, отмежевавшись от ведения на территории Дунайской монархии «русской пропаганды» и назвав «недопустимым вмешательством» в дела иностранного государства деятельность, которую со «свойственной ему необузданной пылкостью и бестактностью» допускал граф Бобринский (Клопова 2016: 252–253). В российском МИДе считали, что, «с точки зрения торжества правосудия, выступление в суде графа Бобринского едва ли имело бы значение», а с «политической же точки же точки зрения, для нас важно поддерживать добрососедские отношения с Австро-Венгрией». «Упорство же графа Бобринского явиться свидетелем на суде угрорусов, – подчеркивал в депеше главе российского МИДа С.Д. Сазонову поверенный в делах в Вене князь Н.А. Кудашев, – было бы истолковано как акт политической агитации, способный лишь повредить этим отношениям» (Международные от-

ношения 1931: 144–145). Несмотря на предупреждения российских властей об опасности такой поездки, Бобринский решил непременно ехать – и ехать не инкогнито, а с «поднятым забралом». Высоко оценив решимость политика, газета «Свет» опубликовала на своих страницах посвященное ему стихотворение, написанное активным участником славянского движения М.Я. Балясным:

За Русь и веру погибая,
Они на помощь вас зовут
И ждут как ангела из рая,
Угрюмо ждет венгерский суд.

И как палач кует оковы
И тяжкий крест на вашу грудь...
Вы говорите: долг суровый
Зовет вас к ним – в далекий путь.

О нет! Не долг – то подвиг славный,
То русский искренний порыв
В защиту веры православной,
То к правде и любви призыв.

В путь добрый!.. Русские молитвы,
Любовь Руси, народ родной
В дни благородной вашей битвы
Вас охранят в борьбе святой... (Балясный 1914а).

Ранним утром 17 января 1914 г. В.А. Бобринский выехал с Варшавского вокзала Петербурга. Вместе с ним в это рискованное путешествие отправились сотрудник газеты «Свет» В.А. Комаров (племянник видного журналиста и общественного деятеля славянофильского толка В.В. Комарова), корреспонденты «Нового времени» и «Голоса Руси» (Граф Бобринский в пути 1914; С гр. В.А. Бобринским 1914). В Кишиневе к ним присоединился член Государственной Думы М.П. Дмитриев (фракция центра), который, по сообщению газет, «чрезвычайно живо» интересовался этим процессом (Комаров 1914а; Процесс угроруссов 1914b).

Проводить Бобринского собрались многие члены Государственной Думы, Галицко-русского и Славянского обществ. «Поездка эта – не легкая прогулка, а целый поход против неправды – будет иметь при всяком исходе громадное общественное и политическое значение, – утверждал "Свет", не жалеющий красок в описании трудностей и ис-

пытаний, которые предстояло преодолеть российскому политику. – Граф Бобринский едет на призыв сердца и русско-национального долга, можно сказать, в волчью пасть. К врагам, и не думающим скрывать своей дикой злобы к России и всему русскому. Идет на суд в качестве свидетеля первостепенной, классической важности для защиты о. Алексея Кабалука и с ним 94 исповедников. Едет по заявлению защиты, но после того, как Иродов мадьярский суд отказал не только в вызове такого важного свидетеля, но и в пропуске его в пределы Австро-Венгрии». Пугая далее читателей тем, что русского националиста мадьярские власти могут выдать мазепинцам (т. е. украинским националистам), которые «давно ждут графа Бобринского, жадно облизываясь при мысли, что наконец-то он достанется в их хищные лапы», «Свет» призывал своих читателей объединиться в поддержке мужественного поступка депутата (Отъезд 1914).

Для демонстрации этого единения вскоре после отъезда графа из России состоялось собрание Галицко-русского благотворительного общества, на котором по почину Д.Н. Вергуна и М.Я. Балясного была принята резолюция «ко всем русским людям без различия партий», к братьям-славянам «в Австро-Венгрии, на Балканах и в Америке», а также к представителям обеих русских законодательных палат, русской печати и общественных организаций с призывом заклеить «беспримерное злодеяние венгерских властей» (Процесс мучеников 1914).

Утром 21 января (3 февраля) В.А. Бобринский прибыл в Будапешт, где остановился у русского генерального консула М.Г. Приклонского, а оттуда, по его же собственным словам, не встретив никаких затруднений, на следующий день добрался до Мармарош-Сигета (Процесс мучеников 1914). 23 января (5 февраля) граф явился на судебный процесс и дал свидетельские показания. Как вспоминал А.Ю. Геровский, появление Бобринского в зале суда «произвело сенсацию и сильно приободрило обвиняемых» (Геровский 1961: 3). По словам В.А. Комарова, «не только места для публики, но и места за судьями и скамьи журналистов были переполнены зрителями, явившимися подивиться на “русского графа”» (Комаров 1914с).

Допрос Бобринского продолжался около пяти часов – венгерский суд согласился выслушать российского политика за одно заседание, чтобы не создавать ему дополнительных проблем с австрийскими властями (Комаров 1914с). Отвечать на вопросы суда по-русски, чтобы сказанное им было понятно обвиняемым русинам, Бобринскому не разрешили ввиду отсутствия в суде переводчика, понимавшего русский язык. На последовавшую просьбу графа давать свои показания по-французски, а потом дублировать их по-русски также последовал

отказ. Очевидно, писал один из спутников Бобринского, прокурор посчитал русский язык «опасным, так как его будут понимать обвиняемые» (Процесс угроруссов 1914d). В итоге допрос велся на французском. Российский политик показал, что возглавляемое им Галицко-русское благотворительное общество является легальной организацией, преследует исключительно «литературно-культурные цели» и направлено не против законных властей Габсбургской империи, а против полонизма и украинства. Граф отверг обвинения в том, что он якобы говорил об «австрийском иге», под которым страдают русские в Галиции, отметив, что речь шла о «польском иге». Бобринский также указал на то, что вся литература на русском языке, которая направлялась в русинские школы Галиции, являлась классическими произведениями, а не творчеством современных авторов, а выпущенные Галицко-русским обществом брошюры имели культурно-этнографическое содержание и были чужды какой-либо политики. Что же касается финансовой поддержки русского движения в Галиции, то оно, по словам Бобринского, заключалось лишь в 200 руб., которые он выдал иеромонаху Алексию (Кабалюку) на поездку не то на Афон, не то в Америку, и «некой сумме», переданной А. Дулишкевичу, оказавшемуся агентом-provokatorом. Мнение о том, что он проповедовал присоединение Галичины и Угорской Руси к Российской империи, граф назвал нелепым, поскольку он не писал русинам: «вы живете в России», но «на русской земле», призывал их бороться не за Россию, а за «русскую национальность», что «совершенно лояльно». Признавая, что он критиковал политику австро-венгерских властей в отношении русского (русинского) населения империи, Бобринский вместе с тем подчеркнул, что он как монархист никогда не позволял себе критиковать императора Франца-Иосифа. «Я интересовался и никогда не перестану интересоваться судьбой родного племени угроруссов, – твердо заявил Бобринский, – но далек от того, чтобы поддерживать среди них какую-либо пропаганду против их законного государя».

На вопрос, из каких соображений он поддерживал переход русинов-униатов в православие, Бобринский заявил: «Я убежденный православный, считаю православную веру единственной совершенной, и вполне естественно, что я стремлюсь приобщить к православной церкви как можно больше адептов» (Допрос 1914; Процесс угроруссов 1914a; Процесс угроруссов 1914b). При этом граф заявил, что термина «русофильская партия» в отношении русинов он «не понимает», поскольку «среди русских не может быть русофильской партии, ибо русские не могут быть русофилами или русофобами; француз, венгерец, немец может быть русофилом или русофобом; русские же могут быть просто русскими» (ГД 1914: 386).

В целом позиция графа, озвученная на процессе, заключалась в следующем: «В Австро-Венгрии нет никакой политической пропаганды, идущей будто бы из России. <...> Налицо исключительно православное религиозное движение, семена которого брошены эмигрантами из Америки» (Гр. В.А. Бобринский 1914). Позже, поясняя сказанное им на процессе, Бобринский добавит: «Угорорусский народ давно и всегда считал себя православным, а что если есть теперь стремление открыто порвать с навязанной ему унией, то это идет не из России, а из Америки, ибо угорорусы и галичане, переселяясь в Америку, там поголовно переходят из унии в православие и, возвращаясь на родину, раскрывают глаза своим соплеменникам» (ГД 1914: 385–386). (Об этом же писали и «Московские ведомости», отмечавшие тесную связь «заокеанской Руси» с Галичиной и Угорщиной (В борьбе 1914)).

По окончании допроса российский депутат поклонился до земли подсудимым, чем вызвал у некоторых из них слезы (Геровский 1961: 3; Земной поклон 1914). По словам сопровождавшего Бобринского Комарова, допрос обнаружил «изумительное, полное незнание венгров с русскою жизнью и партиями», поскольку суд полагал, что граф является не то председателем Союза русского народа, не то Союза русских людей, одновременно состоит членом Святейшего Синода и некой загадочной «Лиги общественного спасения». Немало неточностей было допущено и в переводах выступлений графа в печати, которые суд собирался использовать как улики, изобличающие преступность намерений российского политика (Комаров 1914b).

Однако необходимо отметить, что, выступая на суде, граф не был до конца откровенным и на аспектах, способных навредить как ему, так и подсудимым, останавливаться не стал. В России хорошо было известно, что Бобринский является убежденным сторонником «идеи покровительства и помощи со стороны России зарубежным славянам, испытывающим национальный гнет» (Санькова 2004: 210), оказывает им помощь и приглашает в Россию русинских активистов (Чемакин 2015: 106, 115, 118, 120). Современный американский автор отмечает, что Бобринский выступал «с предложением включения Галиции и Карпат как земли русинов, "то есть русских" в состав Российской империи, причем выступал он на самой думской трибуне» (Аксенов-Меерсон 2014: 107). Обнаружить таких публичных призывов Бобринского нам не удалось, напротив, с думской кафедры граф говорил прямо противоположное: «Никаких стремлений к отторжению какой-либо части Австро-Венгерской монархии мы, конечно, не имеем, и подобной деятельности и подобным стремлениям мы не сочувствуем. <...> Мы, гг., никто из нас, ни один серьезный политик в

России, не занимаемся перекой карты Европы. Мы чужих владений не собираемся делить» (ГД 1914: 384–385).

В своих пылких думских речах, тем не менее, граф действительно упоминал про «старый вопрос, нам, русским, особенно близкий, который находит себе разрешение только на Карпатах». При этом, правда, тут же оговариваясь: «Я все это говорю без всякого воинственного задора; Боже упаси нас толкать на такую ужасную войну» (ГД 1913: 348). Выступая в 1913 г. в Галицко-русском благотворительном обществе, граф выражал пожелание, чтобы «правительство русское во исполнение исторических заветов России нашло способы воздействия для прекращения страданий православных» (Пашаева 2001: 136).

Как отмечал консервативный «Колокол», «тем, кто был на докладах гр. В. Бобринского и его сателлита г. Вергуна, вероятно, памятна повторявшаяся как припев фраза – «славяне (балканские, австрийские, мадьярские, смотря по обстоятельствам) с надеждой взирают на Россию великодержавную». Эта по форме вполне безобидная фраза, однако, обладает роковой растяжимостью и при желании свободно вмещает то, о чем и не думал произнесший ее оратор» (Граф Бобринский в экстазе 1914).

В докладной записке, поданной Бобринским в МИД в том же 1913 г., граф уже открыто указывал, что, поскольку «в Австрии сильно рассчитывают на украинский народ в случае войны с нами», необходимо давать симметричный ответ: усиливать поддержку пророссийских настроений в русинских землях Австро-Венгрии. На финансирование этих мероприятий политик предлагал выделять из казны 200 тыс. руб. ежегодно. Запрашиваемые средства Бобринский собирался распространять через «преданных частных лиц», чтобы не дать повода обвинить официальный Петербург во вмешательстве в дела другого государства (Клопова 2016: 232–235). Кроме того, как сообщал летом 1913 г. председатель Совета министров В.Н. Коковцов С.Д. Сазонову, Бобринский к этому времени уже получал от правительства «некоторые суммы», которые тратил на поддержку русского дела в австрийских землях (Клопова 2016: 239). Так что у властей Австро-Венгрии были вполне обоснованные подозрения относительно планов русского графа на галицких и карпатских русинов. В связи с этим заверения Бобринского в отсутствии у него каких-либо политических устремлений относительно закарпатских русинов доверия у суда вызвать не могли. Да и относительно религиозных вопросов Бобринский был не до конца честен. На закономерный вопрос председателя суда, допустили бы в Российской империи движение, ставящее своей целью обращение в другую веру, Бобринский заявил: «В России переход из одного вероисповедания в другое не встречает никаких препятствий»

(Процесс угроруссов 1914b). Хотя указом от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в Российской империи действительно был разрешен свободный переход из православия в другие христианские исповедания, прозелитизм продолжал преследоваться в уголовном порядке (Амбарцумов 2014: 165, 237).

Несмотря на негативное отношение к деятельности Бобринского, суд вел себя по отношению к нему подчеркнуто корректно и с «самою изысканною вежливостью». Это же подтверждал один из спутников графа: «С внешней показной стороны венгерская предусмотрительность к нам, русским журналистам, не оставляет желать лучшего. Нас не только ни в чем не стесняют, за нами ухаживают во время перерыва» (Процесс угроруссов 1914d). В связи с этим российский политик счел нужным поблагодарить суд за «лояльное поведение и проявленную любезность» (Телеграмма 1914). Тревоги русской печати относительно возможного ареста Бобринского австрийскими властями сразу же после его выступления на процессе оказались ложными. Версия о том, что венгры «заманили» Бобринского, сговорившись с австрийцами о последующей его выдаче (Арестуют ли 1914), не подтвердилась. Как отмечала одна из венгерских газет, Венгрия «потеряла бы престиж за границей», если бы граф Бобринский был бы арестован по требованию Австрии (Гр. Бобринский 1914). Но и австрийские власти не спешили с арестом российского политика. По сообщению анонимного венгерского сановника, Министерство внутренних дел Австро-Венгрии решило не выписывать предписание об аресте Бобринского, дабы не превращать «аристократического авантюриста» в «мученика национальной идеи» (Процесс угроруссов 1914c). Согласно сообщениям в венской прессе, австрийские власти сочли, что, с точки зрения международного имиджа, им выгоднее показать свою лояльность. «Ни один иностранец в России, – писала "Райхспост", – не посмел бы говорить так открыто, как Бобринский в Мармарош-Сигете» (Гр. Бобринский 1914).

По данным Н.А. Кудашева, итоговому решению австрийского правительства не препятствовать выступлению Бобринского в суде и не арестовывать его поспособствовали хлопоты лидера Всероссийского национального союза и фракции русских националистов в Государственной Думе П.Н. Балашева, встретившегося в Вене с министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Л. фон Берхтольдом. Российский дипломат сообщал С.Д. Сазонову: «Полагаю, что, с одной стороны, было очень уже неловко отвести такого важного свидетеля, каким является граф Бобринский, в то время как он уже находился на венгерской территории. С другой – здесь желали избежать последствий какого-либо инцидента, жертвою которого явился бы русский

политический деятель, имеющий связи как в аристократических, так и общественных кругах России» (Международные отношения 1931: 308).

Глава австрийского МИДа заверил Балашева, что он ничего не имеет против дачи Бобринским показаний, «облегчающих положение подсудимых» и разъясняющих истинное положение вещей, а также «облегчающих венгерскому суду осуществление правосудия», но «правительство австрийского императора не может допустить и не допустит вмешательства русских политических организаций во внутренние дела австрийской империи». После того как Балашев согласился с точкой зрения графа Берхтольда, он получил заверение «в полной личной неприкосновенности гр. Бобринского во время его пребывания на землях австрийского императора» (Донесения 1999: 12; Свидание 1914). Поэтому, хотя австро-венгерская пресса и сообщала, что «дело графа Бобринского <...> имеет не дипломатический, а юридический характер» и венгерские власти обязаны его выдать по первому требованию австрийского прокурора, тут же намекала: постановление об аресте если и последует, то по формальным поводам его задержат, позволив Бобринскому беспрепятственно вернуться на родину (Вопрос 1914).

По просьбе начальника местной полиции граф В.А. Бобринский и его спутники под охраной покинули Мармарош-Сигет ранним утром 24 января. Во избежание неприятностей с австрийскими властями венгры пообещали задержать телеграмму об отъезде российского политика на сутки (Комаров 1914с). (В связи с этим замечание митрополита Евлогия (Георгиевского), рассказывавшего, как граф Бобринский после процесса, протекавшего «в столь накаленной атмосфере», «едва унес оттуда ноги», следует признать ошибочным (Путь моей жизни 1994: 236)).

29 января граф Бобринский прибыл в столицу Российской империи. На Варшавском вокзале его встречали многочисленные друзья и сторонники, члены думской фракции русских националистов, Государственного совета и Всероссийского национального союза, представители студенческих организаций, члены Галицко-русского и Славянского благотворительного обществ; весь перрон был заполнен публикой. Графу была устроена шумная орация, ему кричали «Ура!», дамы подносили цветы, лидеры общественных организаций поздравляли, читали стихи, дарили памятные подарки и восхищались его поступком. Тронутый такой встречей депутат «со слезами на глазах благодарил всех и сказал, что этот день он считает одним из самых счастливейших в своей жизни» (Возвращение 1914; Ясный 1914).

Праволиберальные и умеренно-правые газеты пели Бобринскому дифирамбы, называя его «бесстрашную поездку» в Мармарош-Сигет не иначе как национальным подвигом, воспевали «самоотверженную красоту его поступка» и утверждали, что своим «сильным благородным порывом» он покорила сердца членов венгерского суда (Без названия 1914; К возвращению 1914; Меньшиков 1999: 440). На страницах газет, сочувствовавших деятельности Всероссийского национального союза, печатались хвалебные статьи о Бобринском, направленные ему приветственные телеграммы со всех уголков России и посвященные графу стихи.

Вы были там, вы их видали –
Их с исстрадавшейся душой,
Их взор, исполненный печали
В сиянии веры неземной.

И вы склонились перед ними
Поклоном от Руси земным –
Пред их стараньями святыми,
Пред горем русским вековым... <...>

Вы были там, но не попали
Во власть кровавых палачей,
С тревогой сердца вас здесь ждали,
В столице северных ночей. <...>

Среди врагов, за честь отчизны
Вы русской смелою рукой –
Знаменщик наш без укоризны! –
Подняли стяг Руси родной (Балясный 1914b).

Не имея возможности всех поблагодарить лично, В.А. Бобринский опубликовал в газетах письмо, в котором от себя лично и «от имени всех русских людей в Угорской Руси» писал: «Дай Бог, чтобы все наши партии и все различные слои русского общества "единими усты и единым сердцем" встали бы на защиту попираемой правды и в оборону наших родных русских братьев, терзаемых как в Угорской Руси, так и в Руси Червонной» (Бобринский 1914).

В связи с большим вниманием, которое вызывала его поездка в Мармарош-Сигет, Бобринский дважды выступил с докладами, в которых подробно остановился на процессе и своей роли в нем. На выступлении в Клубе общественных деятелей, собравшем полный зал

публики, в числе которой были председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, депутаты и члены Государственного совета, сенаторы, генералы, представитель румынского посольства, Бобринский под громкие аплодисменты заявил: «После Мармарош-Сигетского процесса мы, конечно, будем защищать наших православных братьев в Венгрии и оказывать им свою поддержку. <...> До тех пор, пока весь русский народ не объединится и не станет на защиту своей веры, до тех пор не прекратятся издевательства над православием, преследование православной веры в Венгрии и Австрии» (Ив. Н. 1914). Об этом же граф говорил и на съезде Всероссийского национального союза, открывшем свою работу 2 февраля 1914 г. (Съезд 1914). Поездка Бобринского в Венгрию вызвала интерес и у императора Николая II, пожелавшего в начале марта 1914 г. видеть графа. В ходе 20-минутной беседы государь попросил подробно рассказать о процессе, передал депутату 12 тыс. руб., предназначенных для внесения залога за о. Алексия (Кабалюка), и отозвался об австрийцах недружелюбно (Донесения 2000: 6).

Несмотря на полные пафоса публикации и выступления, трубившие о «победе» графа Бобринского над судом Габсбургской монархии, на участь обвиняемых русинов выступление российского политика повлияло мало. Иеромонах Алексей (Кабалюк) был приговорен к четырем с половиной годам и штрафу в 1 000 крон, остальные – к меньшим срокам и денежным штрафам. Так что рассуждения некоторых российских изданий, писавших, что «несчастные страдальцы угорорусы, с пламенной верой ждавшие приезда графа с далекого севера, не обманулись в своих надеждах», поскольку тот «облегчил им тяжесть их страданий», выглядели малоубедительными. Да и австро-венгерская пресса оценивала итоги визита российского графа совершенно иначе. Как видно из приводившихся в российских изданиях переводов из австрийских газет, венская и будапештская пресса придерживалась мнения, что своими показаниями Бобринский лишь навредил венгерским русинам, невольно подтвердив в суде существование панславистских устремлений России. При этом австро-венгерская пресса указывала своим читателям на то, что граф Бобринский – это лишь «ширма», за которой стоят влиятельные российские круги, ведущие русофильскую пропаганду за рубежом и вынашивающие агрессивные планы в отношении Дунайской монархии (Гр. Бобринский 1914; Отклики 1914).

Российский МИД также полагал, что правительству Австро-Венгрии удалось не только обезвредить выступление российского политика, но и извлечь из него для себя некоторую пользу: «...графу Бобринскому был дан случай высказать очень многое

о своей деятельности среди угрорусов, а сказанное им в суде всегда может быть впоследствии истолковано в том или ином освещении в зависимости от надобности минуты. Со своей стороны, пресса сделала свое дело: подробно передавая показания графа, она стремилась его выставить в роли обвиняемого, старающегося оправдать свои собственные поступки, причем искусственно создавалось впечатление о нем как о человеке, к которому применима поговорка: "Qui s'excuse s'accuse" ("Кто оправдывается, тот сам себя выдает". – А.И.)».

Вердикт российского поверенного в делах в Вене был неутешительным: «Как ни понятна и даже похвальна, с точки зрения личных побуждений графа Бобринского, им самим на себя возложенная миссия, – с точки зрения наших отношений к Австрии, о ней можно только пожалеть. Обаяние свое или России среди подсудимых угрорусов граф Бобринский едва ли увеличил своею же настойчивостью явиться на суд и там отстаивать положение, которому здесь решительно никто не верит, – об отсутствии у его пропаганды всякой политической подкладки, – он только еще больше раздражил и правительство, и здешнее общественное мнение» (Международные отношения 1931: 308). Более того, как полагал Кудашев, заявление Бобринского о необходимости защиты русинов от полонизма и украинства могли поспособствовать сближению украинских националистов с поляками, что также было невыгодно России. Не могла понравиться МИДу и позиция некоторых сочувствовавших поездке графа Бобринского русских газет, например, октябристского «Голоса Москвы», писавшего в таком тоне: «Неужели же наше Министерство иностранных дел останется глухо и немо? Неужели оно не видит, не слышит и газет не читает? <...> Приходится, увы, напоминать, что Российская империя есть, действительно, первое из православных государств, и что угнетение православных в Венгрии не должно быть для нее безразлично» (Куманин 1914).

Российское общество также не было едино в оценке активной деятельности графа Бобринского в защиту живших на территории Австро-Венгрии русинов. Если левой и леволиберальной прессе участие угорских русинов была, в общем-то, безразлична (лишь широкое сочувствие карпатским русинам в российском обществе заставило кадетскую «Речь» сменить риторику и признать факт религиозных гонений в Австро-Венгрии (Котов 2014: 296–298)), да и делать рекламу видному представителю партии русских националистов она не собиралась, то ряд консервативных изданий не без оснований увидел в деятельности графа угрозу и без того непростым отношениям двух империй – Российской и Австро-Венгерской.

Издаваемый князем В.П. Мещерским «Гражданин» откликнулся на «вояж» Бобринского в крайне резком духе. Называя «неукротимого графа» «образчиком националистического идиотизма», Мещерский писал: «Мы не видели у себя в России австрийских графов, вмешивающихся в наши внутренние дела, и находим, что австрийцы так любезны, что если не прогоняют этого бедного умственно графа Бобринского, то хотя бы из благодарности этот один из шутов национализма должен был убраться из австрийских владений домой и сидеть смирно. А тут еще и скудоумный Балашев сунулся» (Мещерский 1914).

Не испытывало никакого восторга от вмешательства графа Бобринского в дела Австро-Венгрии и черносотенное «Русское знамя». Иронизируя по поводу того, как нахваляют графа «все четыре большие газеты», орган Всероссийского Дубровинского союза русского народа отмечал: «Сколько лжи и фальши в этой рекламе: конечно, графа Бобринского влекла в Венгрию вовсе не "безудержная жажда" помочь угрорусам, а "безудержная жажда" к рекламе и самопрославлению. Если бы он хотел ехать только для пользы подсудимых, то для чего было бы ему брать с собой четырех репортеров и одного члена Госдумы? Для чего такой эскорт? Венгры превосходно угадали сущность графа Бобринского, и в венгерских газетах было напечатано, что "граф Бобринский будет очень огорчен, что его в Венгрии не арестовали". Действительно, этим венгры лишили графа Бобринского 99 % саморекламы». Вердикт газеты относительно итогов поездки графа был следующим: «Какая глупая и нелепая комедия! Можно себе представить, как внутренне хохотали венгры, видя потуги графа Бобринского сыграть какую-то роль "благородного" человека и его полную неудачу надеть на свою голову мученический венец и слушая его длинные разговоры, по существу не стоящие выеденного яйца, которые, конечно, ни на волос не повлияют на заранее постановленное решение венгерского суда. По всей вероятности, и несчастные русские прекрасно оценили пустую фанфаронаду Бобринского и следили за ней с большим удручением. <...> Графу Бобринскому гораздо бы более соответствовало нести свои обязанности в Государственной Думе, нежели кататься и искушать венгров» (Обо всем 1914).

Не в восторге от активности Бобринского была и церковно-политическая газета «Колокол». Подчеркивая, что «Колокол» всем сердцем сочувствует братьям-единоверцам, издание указывало, что, в отличие от Бобринского, оно видит улучшение участи карпатских русинов «не в кликушестве "неославянофилов" и не в банкетных речах, а в прочном согласии русской и австро-венгерской дипломатии». Характеризуя Бобринского как человека «благородных возвышенных порывов», «импульсивного и страстного националиста», издание, вместе с тем,

полагало, что он «не способен к роли терпеливого кроткого православного миссионера», поскольку он – «весь порыв и пламя». Отмечая далее, что Бобринский – «поэт, а не организатор», газета приходила к выводу, что своими неосторожными речами и действиями граф не только вышел за рамки «международной корректности», но и невольно поспособствовал тому, что его благие намерения привели лишь к тому, что «малые сии» – угорские русины – очутились на скамье подсудимых (Граф Бобринский в экстазе 1914).

Реакция графа Бобринского на неожиданные для него выпады справа была предсказуемой. «Я не могу назвать русской прессой ни "Русское знамя", ни "Колокол", ни "Гражданин", – говорил он с трибуны Государственной Думы, – но я скажу в отношении к этим крайним правым газетам, я презираю их» (ГД 1914: 388).

Таким образом, мнение российской прессы (а значит, и русского общества) о роли графа В.А. Бобринского в Мармарош-Сигетском процессе не было единым. За редким исключением изданий, оставшихся равнодушными к преследованию карпаторусов австро-венгерскими властями, большинство ведущих российских газет выражало сочувствие православным русинам и осуждало действия австро-венгерской власти. Однако в оценке роли Бобринского в этом процессе единства не наблюдалось. Правительственный официоз «Россия» сообщал своим читателям о поездке Бобринского в Венгрию довольно скупое, воздерживаясь от оценок; леволиберальные издания («Биржевые ведомости», «Речь», «Русское слово»), в целом сдержанно освещавшие процесс, подтрунивали над графом; праволиберальные и умеренно-консервативные («Голос Москвы», «Голос Руси», «Свет», «Новое время») горячо поддерживали депутата, восхищаясь его мужеством и благородством; правоконсервативные («Гражданин», «Колокол», «Русское знамя») считали графа невольным виновником гонений на русинов, а также политическим авантюристом, толкающим Австро-Венгрию к военному конфликту с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В современной литературе встречается двоякое написание названия этого процесса: Мармарош-Сигетский и Мармарош-Сиготский. Поскольку официальное венгерское название главного города комитата Мармарош (Марамарош), в котором проходил процесс, – Сигет (ныне румынский город Сигету-Мармацией), в русской дореволюционной печати процесс именовался исключительно Мармарош-Сигетским. Для единообразия в данной статье используется именно такое наименование города и процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Bachmann 2001 – *Bachmann K.* Ein Herd der Feindschaft gegen Russland. Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Rissland (1907–1914). Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 2001. 292 s.

Аксенов-Меерсон 2014 – *Аксенов-Меерсон М.* Империй призрачных орлы. Повесть о том, как русская епархия в Америке оказалась решающим фактором в развязывании Первой мировой войны. USA: Franc-Tireur, 2014. 272 с.

Амбарцумов 2014 – *Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. – июль 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 256 с.

Арестуют ли 1914 – Арестуют ли гр. Бобринского? // Русское слово. 1914. 22 янв.

Балясный 1914а – *Балясный М.* Графу Владимиру Бобринскому // Голос Руси. 1914. 19 янв.

Балясный 1914б – [*Балясный М.А.*] Привет графу В.А. Бобринскому // Голос Руси. 1914. 30 янв.

Без названия 1914 – [Без названия] // Голос Руси. 1914. 25 янв.

Бобринский 1914 – *Бобринский В.А.* Письмо в редакцию // Голос Руси. 1914. 2 февр.

В борьбе 1914 – В борьбе за веру // Московские ведомости. 1914. 30 янв.

Возвращение 1914 – Возвращение на родину гр. Бобринского // Свет. 1914. 30 янв.

Вопрос 1914 – Вопрос о выдаче // Русское слово. 1914. 23 янв.

Геровский 1961 – Геровский А. Иза и Сиготский процесс. (Продолжение) // Свободное слово Карпатской Руси (Ньюарк, США). 1961. № 11–12. С. 3–5.

ГД 1913 – Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. СПб.: Государственная типография, 1913. 2438 стб.

ГД 1914 – Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. СПб.: Государственная типография, 1914. 1928 стб.

Грабец 1934 – *Грабец М.* К истории Мармарошского процесса. Ужгород: Школьная помощь, 1934. 56 с.

Гр. Бобринский 1914 – Гр. Бобринский на процессе угроруссов // Утро России. 1914. 25 янв.

Гр. В.А. Бобринский 1914 – Гр. В.А. Бобринский о процессе угроруссов // Русское слово. 1914. 30 января.

Граф Бобринский в пути 1914 – Граф Бобринский в пути // Свет. 1914. 22 января.

Граф Бобринский в экстазе 1914 – Граф Бобринский в экстазе // Колокол. 1914. 4 февраля.

Данилець 2013 – *Данилець Ю.В.* Переслідуванн я русинів за віру в Австро-Угорщині напередодні Першої світової війни (до 100-річчя другого Мараморош-Сиготського процесу 1913–1914 рр.) // Русин. 2013. № 4 (34). С. 16–31.

Данилец 2014а – Данилец Ю.В. Антирусинский судебный процесс 1913–1914 гг. в Мараморош-Сиготе на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово» // Русин. 2014. № 2 (36). С. 249–269.

Данилец 2014b – Данилец Ю.В. К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «Свѣтъ») // Русин. 2014. № 3 (37). С. 9–21.

Данилец 2017 – Данилец Ю.В. Иркутская газета «Сибирь» как источник по истории Второго Мараморош-Сиготского процесса 1913–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 59–70.

Донесения 1999 – Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 3–28.

Донесения 2000 – Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 3–28.

Допрос 1914 – Допрос гр. Бобринского на процессе угроруссов // Русское слово. 1914. 24 янв.

Земной поклон 1914 – Земной поклон мученикам // Свет. 1914. 25 янв.

Ив. Н. 1914 – Ив. Н. Впечатление процесса угроруссов // Новое время. 1914. 3 февр.

К возвращению 1914 – К возвращению графа В.А. Бобринского // Новое время. 1914. 26 янв.

К поездке 1914 – К поездке графа В.А. Бобринского на угрорусский процесс // Свет. 1914. 12 янв.

Клопова 2016 – Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.

Комаров 1914а – Комаров В. Процесс мучеников за православие // Свет. 1914. 24 янв.

Комаров 1914b – Комаров В. Процесс мучеников за православие // Свет. 1914. 25 янв.

Комаров 1914с – Комаров В. Процесс мучеников за православие // Свет. 1914. 2 февр.

Котов 2014 – Котов Б.С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): дис.... канд. ист. наук. М., 2014. 712 с.

Куманин 1914 – Куманин Б. Процесс угроруссов и России // Голос Москвы. 1914. 25 января.

Международные отношения 1931 – Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.: Серия 3: 1914–1917. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изда-во, 1931. Т. 1. 614 с.

Меньшиков 1999 – *Меньшиков М.О.* Сроки близятся // Меньшиков М.О. Письма к русской нации / вступ. статья и примечания М.Б. Смолина. М.: Москва, 1999. 560 с.

Мещерский 1914 – Лас-Нанас [Мещерский В.П]. Тайновед // Гражданин. 1914. 2 февр.

Младенович 1914 – *Младенович А.Р.* Беседа с гр. В.А. Бобринским // Свет. 1914. 13 янв.

Обо всем 1914 – Обо всем // Русское знамя. 1914. 26 янв.

Отказ 1914 – Отказ австрийского посольства // Свет. 1914. 13 янв.

Отклики 1914 – Отклики австрийской печати // Русское слово. 1914. 25 янв.

Отъезд 1914 – Отъезд гр. В.А. Бобринского на выручку к угроруссам // Свет. 1914. 18 янв.

Пашаева 2001 – Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX – XX вв. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. 201 с.

Передерко 2010 – *Передерко В.* Участь В. Бобринського в другому Мараморош-Сігетському судовому процесі // Вісник Прикарпатського університету. Історія, 2010. № 18. С. 90–97.

Процесс мучеников 1914 – Процесс мучеников за православие // Свет. 1914. 20 янв.

Процесс угроруссов 1914a – Процесс угроруссов // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. 24 янв.

Процесс угроруссов 1914b – Процесс угроруссов // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. 28 янв.

Процесс угроруссов 1914c – Процесс угроруссов // Речь. 1914. 23 янв.

Процесс угроруссов 1914d – Процесс угроруссов в Мармарош-Сигете // Голос Руси. 1914. 24 янв.

Путь моей жизни 1994 – Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий, 1994. 622 с.

С гр. В.А. Бобринским 1914 – С гр. В.А. Бобринским // Свет. 1914. 21 янв.

Санькова 2004 – *Санькова С.М.* Владимир Алексеевич Бобринский как представитель консервативно-либерального направления общественно-политической жизни России начала XX века // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. Ч. 2. С. 195–217.

Свидание 1914 – Свидание П.Н. Балашева с Берхтольдом // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. 28 янв.

Суляк 2009 – *Суляк С.Г.* Русинский и украинский вопрос накануне Первой мировой войны // Русин. 2009. № 2 (16). С. 96–119.

Съезд 1914 – Съезд националистов // Новое время. 1914. 4 февр.

Телеграмма 1914 – Телеграмма гр. Бобринского // Русское слово. 1914.

26 янв.

Чемакин 2015 – Чемакин А.А. «Единая Свободная Русь: Львов – Киев – Москва». Русские национальные социалисты в начале XX в. // Вопросы национализма. 2015. № 3 (33). С. 99–127.

Ясный 1914 – Ясный М. Приезд графа В.А. Бобринского // Голос Руси. 1914. 30 янв.

REFERENCES

Bachmann, K. (2001) *Ein Herd der Feindschaft gegen Russland. Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Rissland (1907–1914)*. [A hearth of enmity against Russia. Galicia as a hotbed of crisis in the relations of the Danube monarchy with Rissland (1907–1914)]. Vienna: Verlag für Geschichte und Politik.

Aksenov-Meerson, M. (2014) *Imperiy prizrachnykh orly. Povest' o tom, kak russkaya yeparkhiya v Amerike okazalas' reshayushchim faktorom v razvyazyvanii Pervoy mirovoy voyny* [Eagles of Ghostly Empires A Tale about Russian Diocese in America becoming a Decisive Factor in the Outbreak of World War I] USA: Franc-Tireur.

Ambartsumov, I.V. (2014) *Nepravoslavnyye khristianskiye ispovedaniya v sisteme rossiyskoy gosudarstvennosti (konets XIX v. – iyul' 1914 g.)* [Non-Orthodox Christian confessions in the system of Russian statehood (the late 19th century – July 1914)]. History Cand. Diss. St. Petersburg.

Russkoye slovo. (1914) Arestuyut li gr. Bobrinskogo? [Will Count Bobrinsky be arrested?]. 22nd January.

Balyasnyy, M. (1914) Grafu Vladimiru Bobrinskomu [To Count Vladimir Bobrinsky]. *Golos Rusi*. 19th January.

[Balyasnyy, M.A.] (1914) Privet grafu V.A. Bobrinskomu [Greetings to Count V.A. Bobrinsky]. *Golos Rusi*. 30th January.

Golos Rusi. (1914) [Untitled]. 25th January.

Bobrinskiy, V.A. (1914) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the Editor]. *Golos Rusi*. 2nd February.

Moskovskiye vedomosti. (1914) V bor'be za veru [In the struggle for faith]. 30th January.

Svet. (1914) Vozvrashcheniye na rodinu gr. Bobrinskogo [Count Bobrinsky's return to the homeland]. 30th January.

Russkoye slovo. (1914) Vopros o vydache [On the extradition]. 23rd January.

Gerovskiy, A. (1961) Iza i Sigotskiy protsess. (Prodolzheniye) [Iza and the Sziget process]. *Svobodnoye slovo Karpatskoy Rusi*. 11–12.

Russia. The State Duma. (1913) The State Duma. Verbatim records. Convening IV. Session I. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya (In Russian).

Russia. The State Duma. (1914) The State Duma. Verbatim records. Convening IV. Session II. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya (In Russian).

Grabets, M. (1934) *K istorii Marmaroshskago protsesssa* [To the history of the Marmarosh trial.]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch'.

Utro Rossii. (1914) Gr. Bobrinskiy na protsesse ugororussov [Count Bobrinsky at the trial of Hungarian Rusins]. 25th January.

Russkoye slovo. (1914) Gr. V.A. Bobrinskiy o protsesse ugro-russov [Count V.A. Bobrinsky at the trial of Hungarian Rusins]. 30th January.

Svet. (1914) Graf Bobrinskiy v puti [Count Bobrinsky on the road]. 22th January.

Kolokol. (1914) Graf Bobrinskiy v ekstaze [Count Bobrinsky in ecstasy]. 4th February.

Danilets, Yu.V. (2013) Persecution of Rusins for the faith in Austria-Hungary before WWI (the 100th Anniversary of the Second Marmaros-Sziget Trial in 1913–1914). *Rusin*. 4 (34). pp. 16–31. (In Ukrainian) DOI: 10.17223/18572685/34/2

Danilets, Yu.V. (2014a) Newspapers “Delo” and “Delo and Novoye slovo” as a source of history of the Marmaros-Sziget trial in 1913–1914. *Rusin*. 2 (36) (In Russian) DOI: 10.17223/18572685/36/16

Danilets, Yu.V. (2014b) K istorii pravoslaviya v Ugorskoy Rusi nakanune Pervoy mirovoy voyny (po materialam amerikanskoy gazety “Svet”) [To the history of Orthodoxy in Ugric Rus' on the eve of WWI (based on the materials of the American newspaper “Svet”).] *Rusin*. 3 (37). pp. 9–21 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/1

Danilets, Yu.V. (2017) Irkutsk newspaper “Sibir” as source on history of the Second Marmaros-Sziget trial in 1913–1914. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 59–70 (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/8

Kumanin. L.K. (1999) Doneseniya L.K. Kumanina iz Ministerskogo pavi'l'ona Gosudarstvennoy Dumy, dekabr' 1911 – fevral' 1917 goda [Reports by L.K. Kumanin from the Ministerial Pavilion of the State Duma, December 1911 – February 1917]. *Voprosy istorii*. 11–12. pp. 3–28.

Kumanin. L.K. (2000) Doneseniya L.K. Kumanina iz Ministerskogo pavi'l'ona Gosudarstvennoy Dumy, dekabr' 1911 – fevral' 1917 goda [Reports by L.K. Kumanin from the Ministerial Pavilion of the State Duma, December 1911 – February 1917]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 3–28.

Russkoye slovo. (1914) Dopros gr. Bobrinskogo na protsesse ugororussov [Interrogation of Count Bobrinsky on the Marmaros-Sziget Trial]. 24th January.

Svet. (1914) Zemnoy poklon muchenikam [A bow to the martyrs]. 25th January.

Iv. N. (1914) Vpechatleniye protsesssa ugororussov [Impression of the Marmaros-Sziget Trial]. *Novoe vremya*. 3rd February.

Novoe vremya. (1914) K vozvrashcheniyu grafa V.A. Bobrinskogo [To the return of Count V.A. Bobrinsky]. 26th January.

Svet. (1914) K poyezdke grafa V.A. Bobrinskogo na ugorusskiy protsess [To the trip of Count V.A. Bobrinsky to the Marmaros-Sziget Trial]. 12th January.

Klopova, M.Ye. (2016) *Rusiny, russskiye, ukrainsy. Natsional'nyye dvizheniya*

vostoch-noslavjanskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka [Rusins, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Indrik.

Komarov, V. (1914a) Protsess muchenikov za pravoslaviye [The trial of Orthodox martyrs]. *Svet*. 24th January.

Komarov, V. (1914b) Protsess muchenikov za pravoslaviye [The trial of Orthodox martyrs]. *Svet*. 25th January.

Komarov, V. (1914c) Protsess muchenikov za pravoslaviye [The trial of Orthodox martyrs]. *Svet*. 2nd February.

Kotov, B.S. (2014) *Obrazy Germanii i Avstro-Vengrii v rossiyskoy presse naka-nune Pervoy mirovoy voyny. 1912–1914 gg. (po materialam liberal'noy i konservativnoy pechati)* [The images of Germany and Austria-Hungary in the Russian press on the eve of the First World War. 1912–1914 (based on the materials of the liberal and conservative press)]. History Cand. Diss. Moscow.

Kumanin, B. (1914) Protsess ugororussov i Rossii [The trial of the Ruthenians and Russia]. *Golos Moskvy*. 25th January.

Grimm, E.D. (ed.) (1931) *Mezhdunarodnyye otnosheniya v epokhu imperializma: do-kumenty iz arkhivov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv 1878–1917 gg.* [International Relations in the Epoch of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878-1917]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Gos. sots.-ekonom. izda-vo.

Menshikov, M.O. (1999) *Pis'ma k russkoy natsii* [Letters to the Russian nation]. Moscow: Moskva.

Las-Nanas [Meshchersky, V.P.]. (1914) Taynoved [Knowing the secrets]. *Grazhdanin*. 2nd February.

Mladenovich, A.R. (1914) Beseda s gr. V.A. Bobrinskim [Conversation with Count V.A. Bobrinsky]. *Svet*. 13th January.

Russkoe znamya. (1914) Obo vsem [About everything]. 26th January.

Svet. (1914) Otkaz avstriyskogo posol'stva [Refusal of the Austrian Embassy]. 13th January.

Russkoe slovo. (1914) Otkliki avstriyskoy pechati [The responses of the Austrian press]. 25th January.

Svet. (1914) Ot' yezd gr. V.A. Bobrinskogo na vyruchku k ugororussam [Departure of Count V.A. Bobrinsky to the rescue to Hungarian Rusins]. 18th January.

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX – XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.

Perederko, V. (2010) Uchast' V. Bobrins'kogo v drugomu Maramorosh-Sígets'komu sudovomu protsesí [Participation of V. Bobrinsky in the second Maramoros-Sziget trial]. *Vísnik Prikarpat's'kogo uníversitetu. Ístoríya*. 18. pp. 90–97.

Svet. (1914) Protsess muchenikov za pravoslaviye [The trial of Orthodox

martyrs]. 20th January.

Birzhevye vedomosti. (1914a) Protsess ugrorussov [The trial of Hungarian Rusins]. 24th January. 28th January.

Birzhevye vedomosti. (1914b) Protsess ugrorussov [The trial of Hungarian Rusins]. 28th January.

Rech'. (1914) Protsess ugrorussov [The trial of Hungarian Rusins]. 23th January.

Golos Rusi. (1914) Protsess ugrorussov v Marmarosh-Sigete [The trial of Hungarian Rusins in Marmaros-Sziget]. 24th January.

Manukhina, T. (1994) *Put' moey zhizni: vospominaniya mitropolita Eevlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoy* [The path of my life: the memoirs of Metropolitan Evlogii (Georgievsky), set out from his stories by T. Manukhina]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.

Svet. (1914) *S gr. V.A. Bobrinskim* [With Count V.A. Bobrinsky]. 21th January.

Sankova, S.M. (2004) Vladimir Alekseyevich Bobrinskiy kak predstavitel' konservativno-liberal'nogo napravleniya obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii nachala XX veka [Vladimir Alekseevich Bobrinsky as a representative of the conservative-liberal direction of socio-political life in Russia in the early 20th century]. In: Minakov, A.Yu. (ed.) *Konservativizm v Rossii i mire: v 3 ch.* [Conservatism in Russia and the World: in 3 parts]. Vol. 2. Voronezh: Voronezh State University.

Birzhevye vedomosti. (1914c) Svidanie P.N. Balasheva s Berkhtol'dom [The meeting of P.N. Balashev with Berchtold]. 28th January.

Sulyak, S.G. (2009). Rusinskiy i ukrainskiy vopros nakanune Pervoy mirovoy voyny [The Rusin and Ukrainian questions on the Eve of WWI]. *Rusin*. 2 (16). pp. 96–119.

Novoe vremya. (1914) S'ezd natsionalistov [Congress of Nationalists]. 4th February.

Russkoe slovo. (1914) *Telegramma gr. Bobrinskogo* [Telegram of Count Bobrinsky]. 26th January.

Chemakin, A.A. (2015) "Yedinaya Svobodnaya Rus': L'vov – Kiev – Moskva". Russkie natsional'nye sotsialisty v nachale XX v. ["United Free Russia: Lviv – Kiev – Moscow". Russian national socialists in the early 20th century]. *Voprosy natsionalizma*. 3 (33). pp. 99–127.

Yasnyy, M. (1914) Priezd grafa V.A. Bobrinskogo [Arrival of Count V.A. Bobrinsky]. *Golos Rusi*. 30th January.

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Andrei A. Ivanov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru